

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

— — —

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1888.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

Передовые Калмыки на пути къ Волгѣ.

Въ концѣ 1613 года царь Михаилъ Ѳеодоровичъ указалъ снарядить посольство къ персидскому шаху Аббасу Великому «государство свое обестити» и объ иныхъ дѣлахъ переговорить¹⁾. Персидское государство, въ то тяжелое для насъ время, было единственнымъ дружески расположеннымъ къ Россіи, а потому посольству въ Персію, возложенному на дворянина Михайла Никитича Тиханова и подъячего Алексѣя Бухарова, придавалось у насъ большое значеніе въ политическомъ отношеніи. Въ современныхъ документахъ называется оно государевымъ и великимъ земскимъ дѣломъ. Въ то время Заруцкій владѣль Астраханью и отправилъ къ шаху Аббасу посланника своего Ивана Хохлова съ просьбою объ оказаніи ему матеріальной поддержки. Шахъ Аббасъ, не имѣя точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на Руси, могъ придать Заруцкому такое значеніе, какого тотъ не имѣлъ, и помочь ему, если не войскомъ, то деньгами, и тѣмъ затруднить нашему правительству борьбу съ мятежникомъ. Опасеніе это, какъ оказалось, было вполне основательно. Положеніе дѣлъ не благоприятствовало отправленію посольства: прямой путь въ Персію Каспійскимъ моремъ былъ закрытъ, а кружные пути представляли серьезныя опасности; къ тому же наступала зима. Но откладывать посольство до болѣе удобнаго времени не думали, напротивъ, правительство наше проявило необыкновенную спѣшность и энергію. вмѣстѣ съ Тихановымъ отпускаясь и персидскій посолъ Амиръ Али бекъ, прибывшій въ Россію въ смутное время.

1) «Государство свое обестити и про неправду польскаго Жигиманта короля объявити, да и для того, что нынѣ въ Асторохани воръ Ивашко Заруцкой съ Маринкою заводятъ воровство и изъ Асторохани въ Кизылбаши пишутъ многія воровскія смутныя слова, хотя по прежнему въ нашемъ государствѣ смуту учинити и кровь крестьянскую лити».

Дѣло о посольствѣ Тиханова, представляющее большой интересъ, какъ для характеристики порядковъ, существовавшихъ на Руси въ началѣ царствованія Михаила Федоровича, такъ и для исторіи Востока, хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и озаглавлено: «Отправленіе къ шаху въ посланникахъ дворянина Михайла Тиханова и подъячего Алексѣя Бухарова съ объявительною грамогою о вступленіи царя Михайла Федоровича на всероссійскій престолъ», и проч. 1613 ноябрь — 1615 июнь. Столбецъ на 464 листахъ.

При снаряженіи Тиханова возникъ важный вопросъ: какимъ путемъ отправить посольство, чтобы оно могло благополучно и «безстрашиѣ» пройти въ Персію? Персидскій посоль эмиръ Али бекъ предлагалъ идти на Дербень черезъ Суншу, объясняя, что отъ Самары до Сунши ходу мѣсяць, а отъ Сунши до Дербени пять 'день, а отъ Дербени до стольнаго шахова городу шесть недѣль. Онъ ручался, что отъ Сунши посольство дойдетъ до шаха «здорово», но какъ добраться до Сунши? Дѣло представлялось рискованнымъ, требовало точныхъ справокъ отъ свѣдущихъ людей. И по государеву указу «думный діакъ Петръ Третьяковъ роспрашивалъ казанскихъ жильцовъ Прокоѣя Врасково да Богдана Износкова: мочно ль государеву посланнику и шахову послу итти въ Кизылбаши по крымской сторонѣ на Дербень, и отъ нагайскихъ людей и отъ астороханскихъ воровъ пройти мочно-ль? И Прокофей и Богданъ сказали, что по крымской сторонѣ посланникомъ отнюдь пройти не мочно, потому что нынѣ снѣги великіе, а се на крымской сторонѣ нынѣ кочуютъ нагайскіе люди подъ Терекъ и подъ Азовъ. А какъ нагайскихъ людей на крымской сторонѣ весною хоти и не будетъ, ино на крымской сторонѣ безпрестани ходятъ крымскіе и азовскіе и Казыева улусу люди, и подъ Астороханью и подъ Теркомъ лошади отганяютъ и полонъ емлютъ, и ему за тѣмъ отнюдь пройти не мочно. А хоти и тѣхъ людей на крымской сторонѣ не будетъ, и ему (посланнику) крымскою стороною отъ астороханскихъ воровъ не пройти. А хоти и Астарахани выше пойдетъ гораздо, и ему отъ терскихъ воровъ не пройти, потому что ему итти на Кабарду, а Кабарды не минуть. А только пойдетъ съ Самары Нагайскою степью, и ему итти на Еякъ, а съ Еяка на Юргенчъ; а ходу отъ Яика до Юргенча со выюки мѣсяць. А съ Юргенчъ итти ему на Казыпунстоши по копанемъ, а ходу отъ Юргенчи до Казыпунстоши 3 дни гонцомъ, а съ Казыпунстоши въ кизылбашской въ первой въ Нисай городъ; а ходу три дни жъ гонцомъ, а съ Нисая въ Мешеть, а изъ Мешети въ Казбинъ; а ходу отъ Мешети гонцомъ 10 дней. И тою дорогою ѣхати мочно и безстрашно, только беречись надо на станѣхъ однихъ облавниковъ колматцкихъ людей. А будетъ и отъ тѣхъ людей хотѣтъ уберечься, ино ѣхати нижнею

дорогою, поддаться къ Сарачику. А иныхъ никакихъ людей нынѣ на Нагайской сторонѣ нѣтъ¹⁾»).

Самымъ интереснымъ и неожиданнымъ въ этомъ сообщеніи является указаніе на присутствіе за Волгой, въ Нагайской сторонѣ, Калмыковъ. Этимъ наши свѣдѣнія о прибытіи Калмыковъ въ приволжскія степи и дополняются и принимаютъ нѣсколько иной видъ. Но прежде чѣмъ коснуться этого «дополненія», прослѣдимъ дальнѣйшія данныя о Калмыкахъ находящіяся въ дѣлѣ о посольствѣ Тиханова.

Правительство наше рѣшило отправить Тиханова черезъ Хиву. Послѣдоваль указъ Самарскому воеводѣ князю Дмитрію Петровичу Пожарскому распросить объ этомъ пути находившихся въ Самарѣ бухарскаго купчину Хозя Науруса и юргенскаго караванбаша Дербыша, которыхъ имѣлось въ виду отпустить вмѣстѣ съ посольствомъ, и другихъ Тезиковъ (таджиковъ). Они высказали: «коли де съ нами будутъ государевъ посолъ и шаховъ посолъ, ино бъ де государь пожаловалъ пословъ своихъ и шахова посла прислалъ на Самару поранѣ, а съ Самары бъ де ити черезъ Яикъ и черезъ Енбу зимою по послѣдному пути по пласту, покамѣста на рѣкахъ ледъ не вскрылся, а топере де ѣхати нельзя, потому что укнулись снѣги большіе; а какъ де, государь, снѣги большіе поубудуть, и ледъ бы де на рѣкахъ не прошолъ, и покамѣста коньской кормъ подъ копытомъ не будетъ, и то де, государь, время твоему государеву послу и шахову послу хорошо будетъ ити. А какъ де только, государь, на рѣкахъ ледъ вскрыется и снѣги послѣдніе сойдуть, и конской кормъ будетъ, тогда де, государь, Колмыки и Нагаи лошади откормятъ, и безъ людей въ степи не будетъ, потому межъ себя Колмыки и Нагаи учнутъ подѣзды чинить, тогда де, государь, дорогою будетъ не проѣхать²⁾»).

Такое показаніе, подтверждавшее предыдущее относительно ходу въ Юргенчъ (Хиву), окончательнo убѣдило наше правительство избрать этотъ путь. Онъ не былъ вполнѣ безопасенъ, какъ относительно степи, такъ и самаго ханства, гдѣ Арапъ ханъ могъ на нашемъ посольствѣ возмѣститъ тѣ убытки, которые понесли у насъ хивинскіе купцы во время смуты; но другаго исхода не было. Московское правительство сдѣлало все, что могло, для обезпеченія посольства: значительное количество хивинцевъ и бухарцовъ было задержано въ Россіи, въ видѣ гарантіи за безопасность пословъ; а въ случаѣ благополучнаго прибытія Тиханова въ Персію, задержаннымъ торговцамъ были обѣщаны значительныя льготы относительно пошлинъ.

1) Л. 60—62.

2) Л. 57.

Надо замѣтить, что дипломатическія сношенія Москвы съ Средней Азіей въ это время прекратились, а потому и свѣдѣнія о ней были у насъ довольно слабы. Мы говоримъ «прекратились» и имѣемъ на то основаніе. До сихъ поръ первымъ нашимъ посланникомъ въ Хиву и Бухару считали Ивана Хохлова, отправленнаго туда въ 1620 году; но оказывается, что у него были предшественники. Тихановъ посѣтилъ Хиву шестью годами раньше Хохлова. А въ документахъ московскаго главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ я нашелъ указаніе на болѣе раннее посольство въ Бухару, именно Юрія Матюнина: «Списокъ посольства Юрья Матюнина, какъ онъ былъ въ Бухарехъ въ 86-мъ году» (1578). Самого списка не сохранилось, а указаніе на него находится въ «Переписной первой книгѣ всѣхъ дѣлъ Посольскаго приказа, учиненной окольникимъ княземъ Мезецкимъ и дьякомъ Даниловымъ, 7123 (1614) года». Изъ *Персидскихъ дѣлъ* (книга № 1, л. 256) видно, что въ 1592 году въ Хивѣ у Азима (Хаджима) хана находился русскій посланникъ. По имени не названъ.

На случай столкновенія съ Нагайцами и Калмыками Тиханову даны были грамоты къ этимъ народамъ. Приводимъ Калмыцкую.

«Божіею милостію отъ великаго государя царя и великаго князя Михайла Ѳеодоровича всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя Колматцкіе орды тайшемъ и всѣмъ лутчимъ, и улуснымъ людемъ наше царское повеленье и милостивое слово то. По волѣ великаго всемогущаго Бога и за многимъ моленьемъ и прошеньемъ богомольцовъ нашихъ митрополитовъ и архіепископовъ, и епискуповъ и всего освященного чину нашихъ великихъ російскихъ государствъ, а за многимъ челобитьемъ царей и царевичей, и государьскихъ дѣтей розныхъ государствъ, которые въ нашихъ великихъ государствахъ нашему царскому величеству служатъ, и бояръ нашихъ, и околничихъ, и воеводъ, и чашниковъ, и столниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ большихъ, и приказныхъ людей, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ изъ городовъ, и головъ стрелетцкихъ, и казачьихъ, и атамановъ, и казаковъ, и стрелцовъ, и всякихъ чиновъ служилыхъ и жилетцкихъ людей всѣхъ нашихъ великихъ государствъ російскаго царствія, и по племени предковъ нашихъ великихъ государей царей російскихъ учинилися есмь на великихъ и преславныхъ государствахъ, на Владимерскомъ и Московскомъ, и на Новгородцкомъ, и на царствахъ Казанскомъ и Астараханскомъ, и на Сибирскомъ, и на всѣхъ великихъ государствахъ російскаго царствія государемъ царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи самодержцемъ, и венчались царскимъ венцемъ и діадимою по древнему нашему царскому чину и достоянью. А учиняся есмь на нашихъ великихъ государствахъ, послали есмь Персидскіе и Ширванскіе земли ко государю, къ брату нашему, къ Абасъ

шаху государство наше обестити, посланника нашего Михайла Тиханова да подъячего Олексія Бухарова вмѣстѣ брата нашего съ шахъ Абасовымъ посломъ Амиръ Али бекомъ. И гдѣ имъ лучитца ѣхати вашею ордою или мимо вашеі орды, а случай имъ гдѣ будетъ съ вашими людьми, и вы бѣ, помня прежнюю свою присылку и службу при царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи, какъ есте обещались служить намъ великимъ государемъ царемъ російскимъ, нынѣ намъ великому государю службу свою и радѣнье оказали: нашего посланника Михайла Тиханова да подъячего Олексія Бухарова и брата нашего Абасъ шахова посла Амиръ Али бека съ ихъ людьми и зъ животы своею ордою и мимо своей орды велѣли пропускати безо всякіе зацѣпки, со всѣми ихъ людьми и зъ животы, и проводить ихъ велѣли до коихъ мѣстѣ будетъ пригоже. А мы великій государь за вашу службу васъ пожалуемъ нашимъ царскимъ жалованьемъ по вашему прошенью и смотря по вашей службѣ»¹⁾.

Грамота писана на татарскомъ языкѣ, долго и послѣ употреблявшемся для сношеній съ Калмыками.

Грамота эта даетъ намъ указаніе на время появленія первыхъ Калмыковъ въ нашихъ юго-восточныхъ предѣлахъ. Что тутъ рѣчь идетъ дѣйствительно о Калмыкахъ, сомнѣнія быть не можетъ, да и титулъ «тайша» существуетъ только у нихъ. Оказывается, стало быть, что Калмыки заявили о себѣ нашему правительству въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, слѣдовательно между 1606 и 1610 годами, и не только заявили, а даже просили принять ихъ въ русское подданство, обязуясь служить русскому царю вѣрою и правдою — приѣмъ у кочевниковъ весьма обычный для получения подарковъ.

Чтобы оцѣнить значеніе этого извѣстія, мы должны припомнить, что до сихъ поръ, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, полагали, что первые Калмыки, съ Хо-Урлюкомъ во главѣ, прибыли къ берегамъ Волги около 1630 года, или даже около 1632-го, а самъ Хо-Урлюкъ вышелъ изъ Зюнгариі въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія. Теперь оказывается, что расселеніе Калмыковъ началось нѣсколько раньше, а это отчасти измѣняетъ нашъ взглядъ на обстоятельства выхода ихъ изъ Зюнгариі. Хо-Урлюкъ имѣлъ предшественниковъ и, быть можетъ, двигался по слѣдамъ ихъ.

Если эти первые Калмыки могли сохранить свою независимость среди враждебныхъ имъ Киргизовъ и Нагайцевъ, надо допустить, что вышли они изъ своей родины значительною ордою. Подтверженіе этому находимъ въ статейномъ спискѣ Ивана Хохлова, который пишетъ: «А на Юргенскую

1) Листы 355 — 357.

землю приходять войною Калмыки: въ прошлыхъ де во 128 и въ 129 году (1620, 1621) приходили Калмыки на Юргенскую землю изгономъ и многихъ людей побили; да и на многіе де на тамошніе земли Калмыки приходять и воюють»¹⁾. Значитъ, явились они къ нашимъ предѣламъ не скромными просителями пріюта, а хищнической ордой, грозной для своихъ сосѣдей.

Гдѣ жили Калмыки въ то время, изъ дѣла о посольствѣ Тиханова не видно. Говорится только, что если податься къ Сарайчику, то «мочно тѣхъ облавниковъ Колмацкихъ людей уберечися». Можно предполагать, что кочевали они близъ Эмбы или даже по Иргизу, и вотъ почему: послѣ набѣга Калмыковъ на Астрахань въ 1643 году воевода Плещеевъ разбилъ ихъ подъ Саратовомъ, и тогда начались оживленныя сношенія съ Калмыками, при чемъ русское правительство, между прочимъ, добивалось удаленія ихъ въ дальнія кочевья на Черные пески и на Иргизъ рѣку, чтобы они не занимали земель между Якомъ и Волгою²⁾.

Сопроводять Тиханова до Эмбы отпущены изъ Самары, 25 марта 1614 года, 30 человекъ стрѣльцовъ съ сотникомъ Иваномъ Мизиновымъ. На обратномъ пути, на рѣкѣ Секизъ Койнарѣ, стрѣльцы эти подверглись нападенію шайки, состоявшей, по предположенію Мизинова, изъ 200 человекъ. Два стрѣльца были убиты, пять ранены, убито и ранено 30 лошадей; но нападающіе понесли болѣе значительный уронъ и отступили. Въ своемъ показаніи объ этой стычкѣ Мизиновъ заявилъ, что не можетъ сказать, кто были нападающіе: туркмены или калмыки³⁾. Самъ же Тихановъ съ Калмыками столкновеній не имѣлъ, и въ статейномъ спискѣ ничего о нихъ не говоритъ.

1) Сборникъ кн. Хякова, Спб. 1879, стр. 423.

2) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII (изд. 2-е), стр. 283 — 287.

3) Лл. 289—293, 296—297.